

Жил-был... этот, как его... ну, царь. Фициально — emperor. И при нём жана-емператрица, конечно. И опять же дочь-царевна при них. Красивая, скромная, незнамо в кого такая уродилась. А уж расцвела царевна в восемнадцать годов — слюнки тякут.

Назывались эти трое — царская, или, как оно фициально говорится, emperorская, семья. Жили — не тужили: то недород, то всё водой зальёт.

Царь-emperor любил в карты перекинуться, в «дурачка» на шелбаны. Жана-emператрица, которая при нём, пирожки с ливером любила — за уши не оттащишь.

А царевна-душенька любила Алёшку-караульного, уж три недели как любила и кажин-то денёчек по нему вздыхала, сердешная.

Алёшка, варнак, тоже почал ей знаки внимания строить: ежели царевна-душечка мимо караульной будки, что у ворот парадных, идёт, то он и ус подкрутит, и во фронт с особливой лихостью вытянется, и щеками запоыхает. А ежели папенька с маменькой ейные шкандыбают, то почтения, уставом положенные, конечно, выказывает, но без старания.

Приметил это дело царь-emperor. Осерчал так, что от злости всю стражу в покоях шелбанами своими знатными замордовал.

А потом и придумал закавыку. Ох и хитёр, ох и насобачился же в «дурачка» играть.

Пошёл на улицу, к будке караульной, и говорит Алёшке:

— Ступай-ка, паря, на войну и без победы, соколик, не возвертайся. Как придёшь с победой, я тебе хлеба каравай, водки штоф да медаль геройскую пожалую, ну и форму нову выдам, с эмполетами. Форма, заметь, трофейная, с последней батальной кампании, у меня в кладовке лежит. А ежели без победы, но живой, то я тя на плаху как изменника Родины-emперии. Ну, ступай, — а сам в залу отправился, вроде как за победу выпить.

И чё Алёшке делать, коль приказ? Стал собираться на войну: портянки постирал, фузею свою почистил да три сухарика с головкой чеснока в ранец солдатский положил. А на будке караульной в щёлку между досками цветочек-незабудку приспособил — царевне с намёком да на память.

Вышел в чисто-конкретно поле, поглядел из-под руки налево, поглядел направо. Мать моя женщина! Ни души.

Алёшка-простота про царя-то худого не подумал, рассудил по-своему: царь-emperor по стариковской рассеянности запоматовал войну объявить. А как тут с победой вернёшься, когда воевать не с кем?

Стал думу думать, как беде такой помочь. А думу думать в одиночку несподручно.

Глядит Алёшка, бежит по чисту полю зайка-русайка.

— Стой, стрелять буду, — по привычке выпалил Алёшка.

— Да за что меня стрелять-то, мил человек? — оторопел зайка-русайка. — Я же тебе ничего худого не сделал.

— Извиняюсь, — говорит Алёшка. — Я это по привычке караульной. Мне спросить надобно. Может, ты мне военну кампанию составишь? А то царь меня на войну послал, а с кем воевать — не сказал. — Ой, мил человек, некогда мне баловством-то заниматься, — отнекивается зайка-русайка. — Мне же ещё столько сегодня оббежать надобно. Да и вояка я никудышный — шуму пугаюсь, в одморок падаю, глаза мои косые для прицелу не годятся. — Ну ладно, коли так, — соглашается Алёшка и сухарь пополам разламывает. — На вот, сухарика погрызи, а то забегался, смотрю, совсем.

Зайка-русайка сухарик в зубы, уши за спину — и вскачь, пока Алёшка не передумал.

А Алёшка один с царской задачкой остался.

Слышит, кто-то травой под ногами шуршит. Присмотрелся — мышка-полёвка. Алёшка кивер гвардейский с кудрей молодецких снял, изловчился и накрыл им серую. Чтобы не убегла. Потом руку под кивер просунул, прихватил мышку-полёвку за бока, извлёк на свет Божий и говорит: — Чем под ногами шуршать, помоги дело обмозговать. Ты же по полевым условиям знаток. Вот и будешь мне заместо штаба. Главное, где враг, укажи. — Солдатик, — отвечает мышка-полёвка, — я ж по интендантской части. Припасы припасаю, заготовки заготовливаю. Головы поднять некогда. Вряд ли помогу.

— И то верно, — вдругорядь согласился Алёшка. — На-ка вот тебе на довольствие.

Страхнул крошки от сухарика с ладони. Мышка-полёвка крошки собрала и — только хвостиком вильнула.

Опять Алёшка один остался. Сидит, головку чеснока жуёт — едко, спасу нет, но вкуснее всё равно ничего в ранце не припасено.

Царевна-душенька меж тем Алёшкину незабудку нашла. Догадалась, что ушёл красен молодец не своей волей: не белены ж он объелся — караульную службу да во дворце бросать? Давай папеньку пытает. Слёзы в три ручья. Тут любой папаша слабиனு даст, хоть ты царь, хоть ты кто.

— Не реви, — отбрыкивается отец-емператор. — Герой твой на войну послан. Вернётся с победой — награжу. Я ему форму нову с эмполетами обещал. И тебя в жёны.

Про женитьбу-то он, конечно, соврал и недорого взял. Им, царям, веры нету. А этот и в карты мухлевал, что твой каторжник. Политика, ядри её в крендель... Но у царевны от сердца отлегло. Кто не знат, царевну нашу Маришкой зовут. Это по-простому. А если фициально, то — Марианной. Царь-емператор так придумал, чтоб заграничнее вышло.

А Алёшка наш в чистом поле совсем закручинился. И так ему себя жалко стало, ажник в носе засвербело и чих напал. Чихнул он пару раз, слёзы отёр, глядь — перед ним мужичок стоит. Сам лохматый, борода нечёсана, ноги босы, рубаха латана, портки в репьях, а стоит подбоченясь, глаза хитрые, и лыбится незнамо чему.

— Салфет вашей милости, — говорит мужичок, как будто он особа благородных кровей.

А сам Алёшку в упор разглядывает.

— Красота вашей чести, — отвечает Алёшка как полагается.

Даром, что ль, он у царских ворот караул нёс? Не лапоть, кой-чему обучен. А сам на свою доuku разговор переводит:

— Не знаешь ли ты, мил человек, нет ли где поблизости войны? Очень мне надобно. На войну меня послали, а где она — не сказали.

Мужичок в бороде поскрёб, в затылке почесал, глаз сощурил и отвечает:

— Как не знать? Знаю.

— Скажи где.

— Сказать-то можно. А что дашь?

— Нет у меня ничего, окромя фузеи и ранца, да и те казённые. Сухариком поделится могу.

Мужичок-хитрован ощупал глазами Алёшку и опять за своё:

— Ежели ранец подарить, то скажу, где войну искать. А не хочешь, то прощевай.

Прикинул Алёшка: за утрату казённого добра хоть и не поглядят по головке, да зато, родимую, на плечах оставят. Емператорский приказ не

выполнить — быть голове на плахе да отдельно от Алёшки. Ранец жалко, из телячьей кожи да с латунными пряжками... А себя ещё жалче.

Делать нечего. Алёшка два оставшихся сухарика в карман сунул, протянул хитровану ранец: — Бери, мужичок, пользуйся.

Погладил тот ранец руками, гыкнул радостно и объясняет Алёшке диспозицию:

— Пойдёшь на восход. Встретишь речку — иди в верхи. Будет переправа, просись на тот берег. Там дорога до деревни. Возле той деревни война и есть. Куда идти, любой укажет. Да ты и сам увидишь. Ну, бывай, солдатик, я потопал. Дел у меня ещё невприворот.

Забросил ранец за плечи — и айда по полю вприпрыжку. Только его и видели.

Алёшка портянки перемотал и — ать-два, как мужичок указал. Идёт — песни поёт.

Долго ли, коротко шёл Алёшка, а добрался до речки. А там и до переправы. Паром, на ём дядька-паромщик, у дядьки на пузе кошель — деньгу за перевоз брать, всё как положено.

— Здорóво, служивый. Далёко путь держишь? — завёл разговор паромщик.

— На войну иду.

— Это тебе на тот берег, — кивает паромщик. — Садись, с солдата денег не возьму.

— А у меня их и нету, — застеснялся Алёшка. — Жалованья уж два полугодия как не уплочено.

Вскоре добрался Алёшка до деревни. Глянул — большая деревня, на три улицы — два дома, зато переулков шесть.

У крайнего домишки на завалинке старичок и старушечка. Друг на дружку похожи как два яблочка печёных. Сидят, орешки калёны лузгают, шкорлупки в кулёчек сплёвывают.

— Здравствуйте, люди добрые, — поклонился им Алёшка. — Как тут у вас на войну пройтить?

— Да вона по той тропочке пойдёшь, что за огородами начинается, аккуратно и придёшь. Тут неда лече, — махнул рукой старичок.

— Благодарствую, — Алёшка наш отвечает.

— Ты б соколик, отдохнул. На вот тебе орешков, да и садись с нами на завалинке.

А Алёшка ни в какую — солдатскую марку держит:

— Приказ есть приказ, надо сполнять. А вот от ковшика водички не откажусь.

Поднесла ему старушечка водицы да пирога с грибами в тряпочке холщовой. А старичок шкорлупки вытряхнул да орешков в кулёк сыпанул. И тоже Алёшке подаёт. Народ, он солдата завсегда припасом снабдит. Тоже люди, понимают, почём фунт изюму...

Фузею на плечо, ноги в руки — пошёл Алёшка по тропочке. А она всё крутей и крутей забирает. В гору, значитца, дорога. А солдату нипочём. На войну бы тока успеть.

— Зря, — молвил вдруг кто над самой головой, — зря идёшь.

Поднял Алёшка голову — ворон летит, чёрный, как аспид. Сел на берёзу да на Алёшку круглым, что твоя смородина, глазом косит.

Жутко чегой-то Алёшке стало, но солдат всякой суеверии бояться не должен. Вот Алёшка и хорохорится:

— Ты не каркай, чёрное твоё перо. Я императорский приказ сполняю. Что на роду написано, то и будет. Но под руку не каркай, а то осерчаю.

— Всё одно зря, зря ноги бьёшь, — твердит ворон. — Щас в фузею заряд замастрячу — будешь знать, как зрякать.

Бóрона как корова языком слизнула.

Сколько Алёшка ещё шел — не спрашивай, это, считай, секрет военный. Но запыхался изрядно. Крутая да каменная гора оказалась. Пока поднялся, каблук свернул да коленку зашиб. Только солдату такие ерундовины — как слону дробина.

Вот поднялся наш Алёшка на самую маковку. Дальше идти некуда.

Постоял он, постоял, на север чихнул, на юг зевнул, на запад поплевал, на восток из-под руки поглядел. Далеко видать: реки-моря, леса-поля — всё наша земля. И до того картина мирная, что Алёшка аж плюнул с досады: ни пушек, ни редутов, ни еропланов, ни кулимётов, ни шуму военного... Хоть бы какая армиёшка заваливающая видна была.

«Вот накаркал же, чёрная твоя душа, — подумал Алёшка да, поразмыслив, застыдился. — А ведь неправда моя: предупреждал меня ворон-птица. Это я гонору не сдержал».

— Говорил же, зря ноги бьёшь, — опять голос сверху раздался.

— Прости меня, ворон-батюшка, за слова обидные, — винится Алёшка. — На вот тебе пирога с грибами, только не сердчай. Да растолкуй мне, дурню, что ты сказать хотел.

— Ты куда шёл? — начал ворон издали, а сам к пирогу примеривается.

— На войну. Приказ у меня.

— А что это, знаешь?

— Война-то? Знаю. Для солдата — смерть, для генерала — слава, для императора — иль развлечение, иль дырки в казне залатать...

— А другой войны не знаешь?

— Другой — не знаю.

— А ты ж на ней стоишь.

— Где?

— Где-где — на горе. Войной называется.

— Что за кулебяка такая?

— Да вот такая, какая есть. Дело давнее. Сказывают, что когда-то супостат на эти края навалился. И воевали долго, и никак война не кончалась. Муштинское население на хронте, бабы с малыми да старыми в тылу притомились. Позвали колдуна.

А тот пошептал-поплевал, на пятке крутнулся да и скрипит, как колесо тележное: гору за лесом Войной нарекаю. Одолеете гору — и настоящей войне конец будет. Ладощка об ладощку потёр и сгинул. А бабы подолы подоткнули да на гору полезли. Только на макушку поднялись — солнце село. Заночевали. А на следующий день, как спустились назад в деревню, гонец прискакал: побили мужики супостатов, домой спешат. Гору теперь по-другому и не зовут. Война — и всё тут. Поперек слова колдовского кто же сунется?

Примолк ворон. И Алёшка молчит, загорюнился. Но долго не стал.

— Спасибо, птица-ворон, за информацию. Мудрено наворочено, но видать, что правда. Нарочно так ни в жисть не придумать. Только что же мне теперь делать? У меня ж приказ.

Тут ворон притих ненадолго, задумчиво пирог с грибами поклевал да и молвил:

— Зря горюнишься, служивый. Приказ ты выполнил.

— Как это?

— Тебя на войну послали?

— Ну...

— Ты сейчас где стоишь?

— На Войне...

— Вот во дворец придёшь и доложишь: вернулся, дескать, с Войны... Ведь правду скажешь?

— А то! — обрадовался было Алёшка, да осёкся. — Нет, не выходит. Приказ не весь исполню. Мне с победой надобно вернуться.

— С победой, говоришь? — ворон голову скособолил и весёлым глазом на Алёшку поглядел. — Будет тебе и победа. Если то, что скажу, точь-в-точь сделаешь да золотую бусину мне подаришь.

— Говори. Если без душегубства или окаянства какого, всё сделаю. И бусину золотую, если по дороге найду и ничейная она будет, тебе отдам. А плохого не проси.

— За бусиной надо к дубу вековому — древу мировому идти.

— Далече оно, древо твоё?

— Это как идти. Ежели как обычно, то тридцать три года ходить будешь — и то неизвестно, дойдёшь ли.

— Так мне не нать, — затосковал Алёшка. — Маришка, мож, и не забудет цветочку моему памятному благодаря, но взамуж её царь-император непременно выдаст.

— Тогда ночи дождись и за синим светляком шагай. К утру добежишь, если ног не сломаешь.

— Рази бывают светляки синие? — усомнился наш Алёшка.

— Увидишь, — ответил ворон, каркнул и крылья расправил. — А я тебя потом найду.

Настала ночь. Темень — хоть глаз коли, ни месяца, ни звёздочки, ни костерка, ни свечки. Алёшка глаза в темноту таращит, светляков ищет. Глядь —

огонёк синий трепыхается. Алёшка к нему. Огонёк шагов на пять подпустил и потёк куда-то в сторону, да быстро так. Алёшка за ним. Бежит-стопыкается, на фузею опирается, а думка одна: огонёк не потерять. Ветки сухие колочие парня по физии хлещут, корни узловатые склизкие под ноги лезут, волки в оврагах-буераках завывают. Да только солдату Алёшке пугаться-бояться некогда, приказ царский да уговор выполнять надо.

Добрался к рассвету до большой поляны среди леса—в тумане утреннем громадный дуб виднеется. Остановился Алёшка дух перевести, а тут и синий огонёк сгинул, как не бывало.

Уселся Алёшка под дубом, сухарика сточил. Солнышко поднялось, пригревать стало, листва над головой шумит, Алёшку дрёма одолевает.

Ан нет, не дуб это шумит, это внутри дерева гул—ровный такой!

Любопытно парню стало—молодой же ещё. Приставил Алёшка фузею к дубу, сам наверх полез. А там—дупло. Большое, внутри темно, зато гул слышнее стал.

Влез Алёшка в дупло, враспор руками-ногами упёрся и давай спускаться, а гул всё яснее, а ход всё шире становятся. Не удержался—упал.

«Ох,—успел подумать Алёшка, зажмурившись,—кажись, сейчас сваркнусь, костей не соберу».

И вдруг чувствует, что на ногах как ни в чём не бывало стоит.

Глаза открыл—перед ним проспект заграничный; дома не нашенские, каменные; крыши чудные, островерхие, чешуёй-волнами покрыты; самобеглые коляски носятся, гудят; люди чужие мимо Алёшки идут, как вдоль пустого места. От такой причуды в жизни рука у Алёшки сама ко лбу потянулась—для крестного знамения...

—Здорово, служивый!—вдруг голос за спиной.— Потерял чегой али сам потерялся?

Повернулся Алёшка и глазам не верит. Стоит перед ним мужичок-хитрован с ранцем за плечами.— Я это... в дупло полез...

—Понятно. До Войны-то дошёл?

—Дойти-то дошёл, да только война не война оказалась.

—А это как кому,—говорит мужичок и опять лыбится.—От меня обману не было.

—Мне бы возвратиться. Я там под дубом фузею оставил, казённую. Как бы кто не утащил,—конфузия с Алёшки сошла, вида не подаёт, что неловко ему перед мужичком остолопом стоять.

—А что дашь?—завёл свою песню хитрован.

—У меня только вот,—протянул Алёшка кулёчек с орешками калёными.—Угостись, не побрезгай.

Мужичок нос в кулёчек сунул, рот скривил, зубом цыкнул, сгрёб Алёшкино угощение в ранец, повернулся, через плечо кинул:

—Ну, касатик-солдатик, попевай за мной. А то дел невпроворот.

И—шасьт в ближайшую подворотню.

Тут сверкнуло-блеснуло что-то у Алёшки под ногами. Пригляделся—меж камней на мостовой бусина солнышко отсвечивает, ей-ей золочёная.

«Обронил, видать, мужичок,—смекнул Алёшка.—Вернуть надобно вещицу ценную».

Подхватил бусину, в кулаке зажал накрепко да бегом за мужичком. Едва успел углядеть, в какую дверь тот заскочил.

А за дверью зала! Громадная, как во дворце у царя-емператора,—с паркетом, люфстрою и камином. И в трубе каминной кто-то шуршит—по всему видать, мужичок туда сиганул. Алёшка, не мешкая, в темень каминную сунул, локтями-коленками упёрся да вверх полез: откуда сажа падала—шорох слышался и далёко-высоко какой-то свет маячил.

А когда до дыры в стенке добрался да голову в неё сунул, оказалось, что из дупла на дубе выглянул.

«Вот чудеса!»—подумал Алёшка, крестом себя осенил, с дуба спустился, давай оглядываться—куда мужичок делся.

—Зря ищешь,—раздался знакомый голос из листьев.— Не догонишь, не найдёшь.

И раз—уже перед Алёшкой на земле птица-ворон сидит, круглым глазом в упор глядит.

—Нашёл бусину золотую?—спрашивает.

—Вот она,—Алёшка кулак разжал.

—Отдашь?

—Надобно бы тому, кто потерял, отдать. Мужичка вот не догнал.

—А ты почём знаешь, что он бусины хозяин? Такие мужички-хитрованы никогда ничего не теряют. К их рукам всё липнет—это да!

—А чья ж тогда она?

—Была ничья. Ты нашёл—теперь твоя. А мне отдашь, как обещал,—подскажу, как к Маришке-душеньке вернуться да голову при том не потерять. Царёв приказ целиком исполнишь.

Задумался Алёшка: прав ворон кругом. Выдернул с подола рубахи солдатской нитку суровую, в бусину продел и ворону на шею подвесил.

—Дарю её тебе, ворон-батюшка, за мудрость твою, а ты меня ответно надоумь.

—Живёт в этих краях барин-вельможа. Есть у него чудо-лошадь. Ни у кого во всём царстве-емперии такой нет. Сама белее снега свежего, грива золотая, в гриву бриллиантовые нити вплетены, а в подковах камни-рубины. Приведёшь чудо-лошадь к царю—тебе и зачтётся.

—Шутишь? Мне, солдату-караульному, цельный барин-вельможа да свою чудо-лошадь отдаст?

—Отдаст, не сумлевайся. Ты, главное, правду скажи, да только по-своему её поверни. Дескать, не можешь царёв приказ выполнить и хочешь прощение заслужить. Мол, задумал привести в конюшни императорские чудо-лошадь, глядишь,

смягчится царское сердце, останется голова на плечах по государевой милости. И промеж всего добавь: ежели до царя слух дойдёт, что у его подданного лошадь лучше, как пить дать осерчает. И коняшку заберёт, и таких шелбанов понаставит, что до конца жизни в дурачках ходить придётся. — Ох, птица-ворон, что ж ты окаянством-то меня прельщаешь? Не бывать тому, чтоб я человека православного царём-емператором стращал. — Вот тетеря, я ему стрижено, а он мне—брито. Тогда проси её у хозяина за то, что любое его повеление исполнишь. Может, и уговоришь. Но только к царю тебе без чудо-лошади ходу нет. Про светляка путеводного не забудь,—взмахнул крыльями чёрными и был таков.

А Алёшке ночи ждать надо. Он мундир от сажи почистил, фузею проверил, остатки последнего сухарика сгрыз и под деревом мировым подремал малёхо. Не первый год как лоб парню забрили, выучил уже: солдат спит—служба идёт.

К ночи в бодрости себя чуял—тож привычка караульная. По темноте уже заметил огонёк синенький, опять через овраги-буераки и чащобу глухую-тёмную бегом бежал. Наутро на верхушке Войны оказался. А через три дни стоял у хором барина-вельможи—язык хоть до Киева, хоть докудова даже гражданского чину человека доведёт, а уж военного с фузеей в руках и подавно.

— Чё надо?—привратник Алёшку не пускает.

— Царский приказ сполняю, к барину-вельможе дело,—гнёт свой антирес Алёшка.

— Что за дело у тебя ко мне, солдат?—это, ополя как Алёшку в кабинеты привели, спрашивает барин-вельможа, а сам в бакенбардах да в халате шёлковом в кресле-качалке развалился, яблочко наливное в руке крутит.

— Слух прошёл, ваשתво, что имеется в ваших конюшнях чудо-лошадь, сама белая, грива золотая...— начал было тарабанить Алёшка.

— Стой-постой, какой такой слух?—подозрительно уставился на солдата барин-вельможа.— Лошадка та у меня совсем недавно, без году неделя. И держу я её от глаза в глухих лесах—на дальних выпасах. Енто такое место, что мало кому известно. А кто знает—рта не раскрывает. Не велено, да и запорю. Ну-ка, или рассказывай как есть, откуда знаешь, или плетей тебе выпишу.

Делать нечего, рассказал Алёшка, ничего не утаил—ни про мужичка, ни про Войну, ни про ворона, ни про дупло в дубе. Поведал как на духу и голову кудрявую повесил: видать, не судьба её на плечах сохранить. Но не сдаётся.

— Я,—говорит,—любое повеление, ежели без душегубства и окаянства, готов за чудо-лошадку вашу сполнить.

А барин-вельможа вдруг и говорит: — Отдам я тебе чудо-лошадь, если отведёшь меня к дубу вековому—древу мировому. Очень уж

мне соблазнительно на заграничные прошекты поглядеть.

Смикитил, прохиндей, что можно без царского дозволения и без пачпорта в любой момент за границу и обратно сигануть. Прожекты в голове роиться начали, негоцией запахло: при известной сноровке не токмо бусину—мешок с камнями самоцветными мимо всякой там таможни-рас-таможни протащить можно.

— Ежели так, отведу,—отвечает Алёшка, а сам уж и не рад, что связался.— Условие есть: сдেলাй тугамент, что животную мне по доброй воле отдаёшь. У дуба мне с рук на руки вручишь. А то вдруг не захочешь с прошектов заграничных возвращаться—и я с носом останусь.

На том и уговор вышел.

Теперь знакомая дорожка да на бариновых лошадях Алёшке недолгой показалась. Думал, трудно будет вдвоём с барином-вельможей за синим огоньком в темноте ночной угнаться, но господская коммерческая ажитация—она ещё пуще солдатского долгу. Угнались.

— Вон там на дубе дупло. Только это,—заступил дорогу Алёшка,—дай-ка мне тугамент, что теперь чудо-лошадь моя. Уговор дороже денег, к дубу-древу я тебя привёл.

— Хорошо, держи. Только не твоя чудо-лошадь будет. Бумага дарственная на царя-емператора писана, а тебе только чудо-лошадь доставить доверяется. Ежели ты чего утаил и возврату мне не будет, всё одно семье моей благодарственность царская достанется,—открыл карты шельмец.

И полез на дуб.

— Слышь, солдатик, тебе ещё и место, где лошадка моя содержится, самому искать придётся,—хихикнул ехидно барин-вельможа из ветвей напоследок, и—только его и видели.

А служивый наш бумагу дарственную за обшлаг рукава мундирного сунул да снова в путь наладился, хоть и устамши был от всей этой канители.

Вернулся Алёшка в барина-вельможи вотчины—почал справки наводить. Ан и впрямь никто не говорит, где чудо-лошадь сыскать можно. Уселся на камушек у дороги, фузею на коленях пристроил, голову рукой подпёр, былинку-травинку жуёт, горюет. А тут—скок!—из травы на обочину старый знакомец, зайка-русайка. Солдата увидал—чуть замертво не упал. Уши трясутся, хвост дрожит.

— Здравствуй, пострел, давно не виделись,—заметил и Алёшка зайку-русайку.

— Ага,—отвечает тот.— Стой-стрелять не будешь? — Я ж не в карауле,—успокаивает его Алёшка да с вопросом не мешкает: — А не встречал ли ты в глухих лесах—на дальних выпасах место скрытное, где чудо-лошадь держат? Сама белая как снег, грива золотая... Тебя же ноги быстрые где только не носят.

Зайку-русайку колотун отпустил, здоровое сознание вернулось.

— Знаю такое место.

— Помоги, братец, укажи дорожку, очень надо, — взмолился Алёшка.

— Это можно, чего ж доброму человеку не помочь? Поспевай за мной!

Ну, солдату бегом бегать не привыкать. Фузею на плечо взбросил — и припустил за зайкой-русайкой не хуже борзой собаки.

Прибежали в место скрытное, что в глухих лесах — на дальних выпасах барин-вельможа устроил. Стоит среди лесной поляны заимка — сама махонькая, но слажена сурьёзно: заплот бревенчатый, ворота тесовые.

— Спасибо тебе, братец, выручил. Дальше я сам, — попрощался Алёшка с зайкой-русайкой — и к воротам.

На стук в створке ворот окошечко открылось, в нём борода виднеется — стало быть, дедок-сторожок.

— Так, мол, и так, — Алёшка объяснять стал, — чудо-лошадь мне надо забрать и к царю-емператору отвезть, стало быть, в подарок. Вот и тугамент дарственный, барином-вельможей собственноручно писан.

— Тугамент — это правильно, — отвечает дедок-сторожок. — К чудо-лошади-то я тебя, служивый, пущу, да только не пойдёт она с тобой.

— Это почему так? — нахмурился озадаченно Алёшка.

— Есть у ней этакая каприза. Прикормить её с руки надобно. Да не абы чем.

— А чем?

— Овсом свежим, отборным, сорту особого, зёрна цветом, что твоё серебро, и размером с ноготь. — Да где ж мне такого сыскать?

— Про то не ведаю. Барин-вельможа завсегда с собой привозил и всё любимице своей сам скармливал.

Опять у Алёшки физия скучная да кислая сделалась. Сел у ворот, шельмеца вельможного крепким словом поминает. И чуёт — под рукой в траве суется кто-то. Вот те встреча — старая знакомая, мышка-полёвка!

— Здравствуй, интендантская душа! — обрадовался Алёшка.

— И тебе не хворать, мил человек, — отвечает мышка-полёвка.

— Я к тебе с поклоном, не откажи, милая, — опять просит за свой антирес служивый. — Скажи, где сыскать мне овса сорту особого, чтоб зёрна цветом серебряным и размером с человеческий ноготь? Хоть пригоршню.

— В таком деле помочь нетрудно, как раз по моей натуре, — обнадёжила Алёшку мышка-полёвка. — Ложись спать-отдыхать, набегался, поди,

за зайцем-то. Неподалёку кивер солдатский поставь. А я — к закроам своим подземным, нувентаризацию проведу.

Алёшку упрямить долго не пришлось, умялся парень. А как проснулся, нашёл кивер солдатский полнёхонек овса отборного, да с горкой. И зёрна-то! Таких крупных да с серебряным отливом он никогда не видел.

Алёшка кивер в охапку — и скорей к воротам. Погромыхал кулаком по доскам. Сызнова окошечко отворилось.

— Веди меня, отец, к чудо-лошади, — объявил дедку Алёшка. — Сыскал я для ейной капризы подношение. А там и в путь пора.

Долго ли, коротко ли время тянулось — одному Алёшке известно. Однако добрался он до столицы царства-емперии, да не один — вёл в поводу чудо-лошадь, коих в этих краях досель не видали. На её красоту у Алёшки только надежда осталась. И напрямик во дворец.

Царь-емператор с императрицей да с Марианной-царевной как раз на крыльце высоком чаи гоняли, с крыжомпленным варением. Ну и пирожки с ливером тут как тут — уж так заведено. — Здравия желаю, вашество царь-емператор! И вам того же, госпожа-императрица и принцесса-царевна! — громко поздоровался Алёшка, сам во фронт стал и царя глазами ест — как по уставу положено. — Явился в ваше распоряжение!

— Фу ты, ну ты, ноги гнуты. Явился — не запылится, — оторвался от блюда с чаем его величество. — Приказ сполнил?

— Так точно!

Царь-емператор чуть крыжомплем-ягодой не поперхнулся:

— Что, и на войне был?

— Был, вашество! Есть такая гора в вашем царстве-императорстве, народ Войной зовёт. На самую маковку забрался. А чтоб с пустыми руками не возвращаться, подарочек вам привёл. Чудо-лошадь! Сами видите какая: и грива золотая, и нитки брильянтовые в гриву вплетены, и ещё на подковах камни-рубины!

— Не украд? — строго спрашивает царь-емператор.

— Никак нет! — отвечает Алёшка и с фасоном фициальную бумагу из-за обшлага извлекает. — Вот и дарственная на ваше высочайшее имя.

— Так-так, почитаем-поглядим... «Сия кобыла, именуемая Победа...» — подслеповато шурясь, стал читать царь-емператор. — С Победой, значит-ка, вернулся?

Тут Алёшка и понял всё.

— Так точно, вашество! На Войну сходил, с Победой вернулся — всё как велено! — докладывает, каблуками щёлкнув, а сам глазами на царевну-душечку сияет.

Крякнул царь-емператор от досады, а делать нечего. Слово давал. Оно хоть и царское, и завсегда

назад забрать можно по причине частной собственности, но не из-за всякой же мелочи. Тут государственна политика, понимать надо. Да и не жалко было форму с эмполетами, всё равно к ней в кладовке уже моль пристроилась.

Хлеба каравай, водки штоф да медаль геройскую Алёшка тоже получил. И в службу караульную снова назначен был. Даже целовался потом за будкой караульной с царевной-душенькой,

с Марианной, нашей скромницей-красавицей. Пока она маненько не повзрослела да не поумнела. Но цветочек-незабудку в альбоме девичьем на вечную память таки засушила.

Вот и вся гистория. Ежели кто думал, что царь-емператор Алёшку-караульного енералом назначит да с царевной-душенькой обвенчает, то я такого не скажу. Это уже совсем враки. А у нас сказ сурьёзный.